

Мин Яо долго хранил молчание, не сводя с Лин Чжи пристального, почти фанатичного взгляда. Его сердце билось ровно и мощно, а мир вокруг казался удивительно теплым и живым.

Слуги, работавшие в поместье семьи Мин, не могли не заметить, что отношения между хозяином и его супругом с каждым днем становятся всё ближе. Раньше, когда при президенте Лин Чжи называли «господином Лином», от Мин Яо исходила едва уловимая, но пугающая аура недовольства.

Никто не помнил точно, кто первым снова назвал юношу «Госпожой», но вскоре все домочадцы, словно по негласному соглашению, вернулись к этому обращению. Тот никак не возражал. Слыша новое обращение, он лишь мягко улыбался, продолжая рассеянно поглаживать Но-Но по голове.

\*\*\*

В старинном поместье с красными кирпичными стенами и черепичной крышей Старейшина Мин в приподнятом настроении возился со своими птицами. С наступлением холодов он заранее облачился в плотную теплую одежду.

Раньше он говорил Лин Чжи, что заведет новых певчих птиц только после окончания зимы, но, услышав об успехах внука в реабилитации, старик словно помолодел на десяток лет. К нему вернулся былой задор и желание обустроить сад, возиться с рыбами и цветами.

— Ты чего это пришел? А Чжи-Чжи где? Неужто не с тобой? — Старейшина Мин мельком глянул на Мин Яо, въехавшего в дверной проем на инвалидном кресле, и поискал глазами того, кто должен был быть позади.

— Пришел вручить вам подарок, — тот протянул деду деревянный футляр.

Президент приехал один намеренно: были вопросы, которые он не мог задать деду в присутствии супруга.

— Ого, с чего бы такая щедрость? — в голосе старика прозвучало искреннее удивление.

Хотя Мин Яо всегда был почтительным внуком, обычно подарки от него доставляли курьеры. Он редко наносил визиты лично, да еще и с таким торжественным видом.

Старейшина открыл футляр. Внутри лежал старинный свиток. Движения старика мгновенно стали предельно осторожными; он бережно развернул полотно и на некоторое время замер, с упоением изучая детали подлинника. Когда он, наконец, с довольным видом свернул картину, внук негромко произнес:

— Это дань благодарности свату.

Старейшина поперхнулся и разразился таким оглушительным кашлем, что, казалось, стены задрожали.

— Слава богу, я успел убрать картину, — прохрипел он, когда приступ утих. — Иначе от неожиданности точно бы её порвал.

Старик прижал руку к груди, пытаясь унять бешеное сердцебиение после шокирующих слов. Он всегда считал себя человеком строгим и непоколебимым, но перед лицом абсолютного спокойствия Мин Яо, который и бровью не повел, чувствовал, что явно проигрывает.

Проведя в компании Лин Чжи немало времени и находясь в прекрасном расположении духа, Старейшина не стал просто кивать в ответ, а позволил себе легкую иронию:

— Помнится, ты сам когда-то твердил мне о сугубо деловой «сути» вашего брака.

Старик не скрывал своего ехидства — ему очень хотелось увидеть, как Мин Яо хоть раз смутится. Но тот остался невозмутим:

— Каждому времени — свои решения.

Старейшина Мин признал поражение. Не в силах сдержать довольной улыбки, он велел дяде Цзиню убрать подарок на шкаф в своей комнате.

— Чжи-Чжи — удивительный ребенок, — задумчиво произнес старик. — Его невозможно не полюбить. Он умен, талантлив, и, что важнее всего, он вовремя очнулся от своего тщеславия.

Оба они знали, что разительные перемены в юноше начались спустя полгода после свадьбы.

— Он замечательный, — подтвердил Мин Яо, хотя в глубине души его всё еще терзали сомнения.

«Может ли человек измениться настолько сильно?»

Но, поразмыслив, он решил, что это не имеет значения. Что бы ни послужило причиной, сейчас Лин Чжи был рядом с ним, и этого было достаточно.

Глядя на внука, который буквально светился от тихого счастья, Старейшина невольно вздохнул. Его покойная мать и бабушка, которая до последнего вздоха переживала за него, наверняка были бы утешены, увидев его таким.

— Останешься на обед?

— Не сегодня, позже у меня важное совещание, — отказался Мин Яо, переходя ко второй цели своего визита. — Скоро его день рождения. Как вы думаете, что мне лучше ему подарить?

У президента не было опыта в подобных делах, как не было и друзей, с которыми он мог бы это обсудить. Поэтому он решил обратиться за помощью к деду. Не только потому, что тот был мудрым старцем, но и потому, что Старейшина хорошо узнал Лин Чжи и мог подсказать, что тому по душе.

— Думаю, стоит устроить для него настоящий сюрприз.

И дед с внуком погрузились в обсуждение. Дядя Цзинь, стоявший в стороне, лишь безмолвно качал головой. Двое мужчин, одинаково несведущих в делах сердечных, рассуждали о подарках с таким серьезным видом, будто планировали государственную операцию.

\*\*\*

Осенний день, балансирующий на грани с зимой, дышал легкой прохладой. Сегодня у Лин Чжи был выходной; он не был занят работой и не планировал светских встреч, предпочитая наслаждаться редким досугом.

Но-Но уже превратился в крупного, статного пса. Он весело прыгал вокруг хозяина, приглашая к игре. Кинолог, работавший в доме, сменился — после ухода Гуань И тот порекомендовал талантливого новичка, сославшись на занятость.

Когда тренировка закончилась, Лин Чжи решил сам вывести Но-Но на прогулку. Хотя их сада вполне хватало для бега, в общественной зоне коттеджного поселка была просторная площадка для питомцев. Пёс завел там друзей и часто просил слуг отвести его поиграть.

Вид свободно бегущей собаки дарил странное ощущение освобождения, будто твоя собственная душа несется по траве рядом с ней. Юноша молча наблюдал за питомцем, сделал несколько снимков и отправил их Мин Яо. Отношения, как и любые другие дела, требовали внимания и постоянной подпитки.

В сумерках Лин Чжи, ведя на поводке уставшего, но довольного Но-Но, направился к дому. Не доходя нескольких шагов до ворот, он заметил незнакомца, стоявшего под деревом.

Мужчина был высок, одет в старую потертую кожаную куртку. Даже со спины от него исходила аура небрежности и вольнодумства. В его полудлинных черных волосах серебрились пряди седины — печать прожитых лет.

Почувствовав чье-то присутствие, гость обернулся. Его кожа была темной и грубой от

постоянного ветра и солнца, но было видно, что в молодости он был очень красив. Даже эта печать усталости и многолетних странствий не делала лицо заурядным. Взгляд его карих глаз был холодным и пронзительным; он смотрел на Лин Чжи с явным прищуром, словно оценивая добычу.

— Добрый день. Могу я узнать, что вы делаете у дверей моего дома? — Лин Чжи уже догадывался о личности этого человека, чей взгляд не сулил ничего доброго, но всё же подошел ближе, продолжая крепко держать поводок.

Его голос звучал ровно и вежливо. Незнакомец спросил в лоб:

— Ты кто такой для Мин Яо?

— Супруг. Мы женаты, — спокойно ответил юноша.

В этот момент слуга открыл ворота. Мужчина вошел следом и небрежно бросил:

— Я его отец.

Лин Чжи изобразил на лице ровно ту степень удивления, которая требовалась приличиями, и вежливо кивнул:

— Здравствуйте, дядя.

Он назвал его именно «дядей», а не «отцом». Мин Чжици никак не отреагировал на это, лишь сухо кивнул в ответ. Их первая встреча была подчеркнута официальной и чужой.

Увидев гостя, вошедшего вместе с Лин Чжи, дворецкий едва не схватился за сердце. Глубоко вдохнув, он поспешил навстречу:

— Господин Мин, вы приехали. Желаете присесть и отдохнуть?

В этом доме все называли Мин Яо «господином», но при появлении Мин Чжици слуги невольно добавляли к его фамилии уточнение. Ведь это был дом Мин Яо, а не его отца.

— Не нужно церемоний. Я просто переговорю с ним.

Мин Чжици прошел на открытую террасу и сел в кресло, не заходя внутрь дома. Он не уточнил, с кем именно хочет поговорить, но всем и так было ясно.

— Две чашки красного чая, — распорядился Лин Чжи.

Заметив встревоженный взгляд дворецкого, он успокаивающе улыбнулся ему. Атмосфера на террасе не была враждебной; разговор шел исключительно о Мин Яо.

— Как долго вы женаты?

— Почти год.

— Где проходила свадьба?

Юноша ответил без малейшего колебания:

— Мы еще не устраивали торжество.

Он не стал пускаться в объяснения, и в его голосе не было ни капли обиды или грусти. Мин Чжици нахмурился:

— У вас плохие отношения?

— Напротив, весьма достойные, — Лин Чжи сделал глоток чая, в его глазах заплясали искорки смеха.

В представлении юноши отец Мин Яо должен был быть безумцем, доведенным до исступления потерей любимой женщины. Он ожидал увидеть человека с нестабильной психикой, ненавидящего сына и презирающего его избранника. Однако реальность оказалась иной. Перед ним сидел мужчина средних лет, чье лицо хранило печать жизненных невзгод и одиночества, но он казался предельно спокойным. В нем не было и тени враждебности.

В конце беседы он протянул Лин Чжи небольшой футляр. Открыв его, юноша увидел ожерелье почти сказочной красоты: звенья в форме платиновых листьев, усыпанных бриллиантами, и крупный кроваво-красный рубин, сияющий в центре.

Ладонь гостя, протягивавшего подарок, была мозолистой и покрытой шрамами. Лин Чжи не знал, через что прошел этот человек, и не собирался принимать столь ценную вещь бездумно.

— Дядя, это слишком дорогой подарок, — мягко отказался он.

— Это подарок от его матери. Она приготовила его давным-давно для своей будущей невестки. Возьми, — тон Мин Чжици был бесстрастным, но, когда его взгляд упал на футляр, в нем на мгновение промелькнула теплота.

После этих слов у юноши не осталось причин для отказа, и он негромко поблагодарил

мужчину.

\*\*\*

В мчащемся по проспекту автомобиле Мин Яо до боли сжимал подлокотники кресла. Получив сообщение от дворецкого, он немедленно велел разворачиваться. При одной мысли о том, что отец сейчас разговаривает с Лин Чжи, его охватывал ледяной ужас.

«Почему он вернулся? Что ему нужно? Что он наговорит Лин Чжи?»

Мин Яо казалось, что он задыхается, стоит ему представить, как его супруг слышит те же страшные слова, что когда-то слышал он сам. Что юноша подумает о нем? Даже если тот говорил, что не винит его, как он посмотрит на человека, которого собственный отец считает чудовищем?

Мин Яо сжал кулаки, заставляя себя успокоиться. Он был готов к любому повороту событий, кроме того, что увидел. Футляр в руках Лин Чжи был ему слишком хорошо знаком. Он точно знал, что скрыто под крышкой.

Когда Мин Яо въехал на террасу, Мин Чжици поднялся. Отец и сын замерли друг напротив друга — один стоя, другой в кресле. Казалось, между ними пропасть шире, чем между случайными прохожими.

— Я снова был в Тибете. Твоя мать приснилась мне ночью... попросила навестить тебя. Видимо, ради этого случая.

Мин Яо сухо, почти официально ответил:

— Спасибо.

Он благодарил за то, что отец признал Лин Чжи и передал семейную реликвию. Мин Чжици кивнул. Он выполнил то, ради чего приехал, и не собирался задерживаться. Формально он даже не переступил порог дома своего сына.

Глядя в спину уходящему отцу, Мин Яо отчетливо произнес:

— Скоро я снова смогу ходить.

Мужчина замер. Он медленно обернулся, и в его глазах вспыхнул холодный, почти пугающий огонь. Помолчав, он произнес:

— Хорошо. Тогда навсегда попрощайся с прошлым. И мать свою тоже забудь.

В это мгновение в нем проступила та самая фанатичная, надломленная черта.

«Тебе лучше оставаться калекой. Каждый день, когда ты не можешь ходить, ты должен помнить, почему ты лишился ног. И что еще, кроме них, ты потерял»

«Всё это из-за тебя. Когда ты сможешь ходить, сколько лет ты еще будешь искренне скорбеть по ней?»

«Она даровала тебе жизнь ценой своей собственной»

«Тебе больше не нужно приходить к ней на могилу. Я заберу её прах с собой. Если затоскуешь по ней — просто посмотри на свои ноги и вспомни тот дождливый день»

Эти слова эхом отзывались в голове Мин Яо. Он подумал, что, возможно, так будет лучше. Если отец никогда не сможет его простить, им стоит расстаться навсегда. Он, конечно, будет помнить мать — по-своему, в глубине сердца.

— Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, дядя, но боюсь, вы не вправе решать за покойную, — раздался спокойный голос Лин Чжи. — Она была вашей женой, но в то же время она была матерью Мин Яо.

Юноша не стал взывать к чувствам матери, понимая, что Старейшина и другие наверняка говорили это сотни раз. Он не собирался обвинять Мин Чжици, зная, что это не даст нужного результата.

— Когда любишь человека, хочешь, чтобы его помнили, а не вычеркивали из памяти. Вы ведь именно это делали всё это время, не так ли?

Юноша сделал шаг вперед.

— Вы не можете лишить Мин Яо права на память. И не можете лишить его возможности передать эту память дальше. Когда мы усыновим детей, я обязательно расскажу им, какой доброй и чудесной женщиной была их бабушка. Я расскажу им, во что она верила и чему учила, чтобы эти крупницы её души жили в их сердцах и передались следующему поколению.

Лин Чжи подошел к Мин Яо со спины и доверительно положил руки ему на плечи, даря ощущение тепла и поддержки.

— Я верю, что это куда лучше забвения. А вы как считаете?

Мин Чжици молчал. Спустя долгое время он перевел взгляд на сына. В его голосе слышались ворчливые, строгие нотки:

— Ты выбрал достойного спутника. Тебе стоит устроить ему настоящую свадьбу.

Больше не сказав ни слова, мужчина ушел. Его сердце не смягчилось окончательно, но в его уходе теперь чувствовалось молчаливое согласие.

Мин Яо замер на мгновение, а затем крепко сжал руку Лин Чжи. Его глаза сияли:

— Сразу после свадьбы мы займемся документами на усыновление.

Юноша лениво высвободил руку и с усмешкой ответил:

— Господин Мин, я, кажется, еще не давал согласия на участие в нашей свадьбе.

<http://bllate.org/book/15821/1432714>